

В.Х. Смирнова

*Музей истории развития горного производства им. А. Демидова,
г. Змеиногорск*

РЕВЕННОВАЯ СОПКА – МАТЬ «ЦАРИЦЫ ВАЗ»

Изучением городской среды стала карта-маршрут, которую разработал музей. Этот маршрут предполагает не только изучение туристами знаков-объектов, но и знаков-отображений, фиксирующих эмоциональное восприятие людей, посещающих наш город. Такое восприятие нашей территории становится культурной платформой для конструирования развивающегося управляемого городского бренда.

В самом начале, когда открылся музей, проводились экскурсии в основном для учащихся школ города и района. Затем расширили объем экскурсий за счет выездов в села. Набирается за это время большое количество архивной информации, появляются новые возможности освещать историю г. Змеиногорска. После реставрации здания увеличилась площадь музея, появилась возможность хранить и показывать экспонаты в большем объеме. История Горной Колывани в нашем музее представлена интересными экспонатами, а некоторые из них уникальны, которые раскрывают историю Колывани, ее камнерезного завода. Еще не было в Змеиногорске музея, а сбор экспонатов велся по всем близлежащим селам, в том числе и Колывани. Григорий Павлович Тихобаев – мастер по художественной обработке камня (последний из династии камнерезов Тихобаевых) и его жена Анна Александровна (мастер ювелирного цеха и директор музея – тогда еще ютившегося в одной комнатке при Доме культуры (ДК), помогли встретиться с сельчанами, которые передали для будущего музея интересные вещи.

Алексей Ефимович Поднебеснов – человек, глубоко любящий Колывань, очень бережно относившийся к ее истории, любитель старины, смог сохранить вещи своего деда – пресс для домашней выделки сыра (соковыжималка). В свое время с завода выброшен шкаф за ненадобностью, на улицу выкинута из старого дома кровать. Эти вещи когда-то принадлежали потомкам Ф.В. Стрижкова. Вовремя собранные и немного подреставрированные Алексеем Ефимовичем эти вещи хранились в доме Поднебесновых и в 1987 г. переданы нам в музей. С глубокой благодарностью мы приняли от него единственную подлинную фотографию Змеиногорска 1914 г. Анатолий Иванович Поднебеснов – тоже житель с. Колывань – передал весы тарелочные с клеймом на тарелке. Сами тарелки латунные, на трех цепях подвешены к плечикам. Екатерина Ивановна Кайгородова, приехавшая в Колывань ребенком в 1914 г. из Тамбовской губернии, пополнила наши фонды самоваром и патефоном. Деревянную ступу с пестом, которой пользовались еще и в послевоенное время, и рубель для глажения белья бывший продавец из Колывани

Павел Васильевич Борцов сохранял как напоминание о трудных годах жизни своих родителей. Сейчас эти экспонаты находятся на хранении в нашем музее.

Следующая группа экспонатов Колыванского камнерезного завода была приобретена в ноябре 1981 г. за счет бюджета города. Это образцы поделочных камней в количестве 26 штук; пепельницы, лоточки, сувениры, шкатулки, вазочки, кулоны, броши, подсвечники, запонки, бусы, перстни.

Самая замечательная вещь – это ваза из зелено-волнистой ревневской яшмы, изготовленная Г.П. Тихобаевым в 1973 г. на выставку в Японии [Колыванская ваза (проспект), 1989]. На выставку она не попала, а была куплена для музея г. Змеиногорска. Ценность ее еще и в том, что это последняя работа камнереза Г.П. Тихобаева. Позже приобретена палетка (образцы поделочных камней) и мозаичное панно по мотивам Горного Алтая (автор – Андрей Андреевич Биттер, работавший на Колыванском заводе в 1990-е гг.).

Убеждаясь, что в Змеиногорске музей все-таки будет, некоторые местные жители, ранее жившие в Колыванстрое, тоже решили передать имеющиеся у них изделия Колыванской камнерезной фабрики. Чернильный прибор из серого гранита сразу дает понять о своем назначении и учреждении, где он использовался (на заднем плане – комсомольский значок). Делали на заводе и пресс-папье, и звезды Героев Советского Союза, сувенир «Земля моя» – эти изделия появились у нас от Натальи Анатольевны Моревой – бывшей жительницы Колыванстроя. Ольга Григорьевна Тихобаева – дочь камнерезов Г.П. и А.А. Тихобаевых – передала сувенир, который завод выпускал к 100-летию В.И. Ленина. Их дарили участникам конференции колхозников, которая состоялась в 1969 г. в г. Змеиногорске. Один из потомков первых переселенцев на Змеиногорском руднике – Константин Дмитриевич Талапов – передал музею кварцитовую печать, изготовленную колыванскими мастерами в XIX в. Эта печать принадлежала К.Н. Талапову и предназначалась для отправки писем. «Святой Лука» из коргонского порфира, работы коллектива мастеров тоже XIX в. передан местным жителем Иосифом Михайловичем Колтуновым 1 сентября 1988 г. Сувенир «Камнерезному искусству Алтая 200 лет» был вручен всем участникам конференции, которая проходила в Колывани 19 октября 1986 г.

Научно-практическая конференция, посвященная 250-летию г. Змеиногорска (1–2 августа 1986 г.), началась с открытия мемориального знака в историческом центре и вазы из ревневской яшмы (художник А. Дербенев, мастер – В. Сапрыкин).

Следует остановиться на нескольких книгах, которые находятся в основном фонде музея, из которых мы узнаем о Колывани.

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. II.

2. Краеведческие записки. Барнаул, 1956. 292 с.

3. Краеведческие записки. Барнаул, 1959. 310 с.
4. Савельев Н., Стрижков Ф.В. Барнаул, 1954. 81 с.
5. Савельев Н. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956. 71 с.
6. Ветмена В. Алтайские дали. Изд. ЦК ВЛКСМ, 1959. 287 с.
7. Родионов А. Краснотал. Барнаул, 1977. 80 с.
8. Родионов А. Из биографии ручья. М., 1983. 46 с.
9. Родионов А. Колывань камнерезная. Барнаул, 1986. 295 с.

Есть ксерокопии книг Н.С. Гуляева, П.И. Ивачева «Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае. Краткий исторический очерк, составленный к 100-летию фабрики 1802–1902 гг.», а также история Колыванского камнерезного завода за 1744–1833 гг. – в пяти книгах; карта 1787 г. из Кабинета Е.И.В. в Канцелярию Колывано-Воскресенского Горного начальства 21 августа 1759 г. отправлен документ за подписью Адама Олсуфьева, в котором говорится «...имеющие леса, как от пожара, так и от излишняго употребления с всекрайней строгостию хранить... на вырубленные же места всемерно стараться о лесной поросли и о всем бережении лесов около заводов и рудников... А сколько употреблению на рудники по остановке Колыванского завода всего ближе к тем местам лесу осталось, тому учинить опись измерять, положи на карту, прислать в кабинет Е.И.В.».

И уже 4 октября того же года геодезист Попов карту «сочинил» и «...с солдатом Дмитрием Коршуновым тою карту отослать в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства в деревянной трубе за печатью здешней конторы и посланы ноября 13 дня 1759».

Карта, находящаяся в Музее истории развития горного производства, очевидно, одна из тех, которые были изготовлены после этих указов и переписки Кабинета с Канцелярией Колывано-Воскресенского Горного начальства. Карта подлинная рукописная на цельном листе плотной бумаги. Размеры 1,6х2,2 м, масштаб в 1 см – 6 верст (Сочинял штейнфервальтер Иван Губанов, сентябрь 26 дня 1787 г.).

«План Лесонасаждений Колыванского бора Колыванского лесничества Змеиногорского уезда Алтайского округа. Вычерчен в 1912» имеет хорошую сохранность. План составлен в масштабе в 1 дюйме 200 сажень и вычерчен на 8 листах плотной бумаги. Размер одного такого листа равен 29,1х37,3 см. Листы наклеены на тонкий материал. Общие размеры плана т.о. равны 74,5х115,4 см.

План помимо своего прямого назначения – показать участки леса – несет также большую оро-гидрографическую, административную и «коммуникационную» нагрузку. Содержит описание смежностей, экспликацию, условные знаки. На нем разным цветом показаны породы деревьев, также условно обозначены: дороги, пашни, вырубки, болота, ключи, реки, озера, горы, тропы, просеки, выгоны и т.д. Вся территория колыванской лесной местности разделена на 23 участка. Границы между участками показаны черной пунктирной и сплошной линией. Основная ценность плана представляется тем, что на нем указаны лесные участки

с преобладанием определенной породы деревьев произрастающих на той или иной местности. Описанный план 1912 г. является подлинным.

Расширение территории вокруг музея дает возможность использовать ее также в экскурсионных целях: показ шахтовой техники, с которой работают горняки сегодня, сельскохозяйственное оборудование, памятные знаки г. Змеиногорска, оформлена уличная выставка печных дверок (Каслинское литье, XIX век и современные дверцы).

Но этого мало для того, чтобы привлечь большее количество туристов. Гранты в сфере культуры, устанавливаемые губернатором Алтайского края, дают возможность вновь получить новый объект для изучения истории Змеиногорска: это фильмы – «Ревенная сопка – Мать Царицы ваз», «Экскурсии по городу и музею», «Колыванское озеро», а также сборный фильм «Взгляд со стороны». Они используются при передвижении на автобусе к одному из этих объектов и заранее знакомят с его историей. Это очень привлекает туристов из таких городов, как Новосибирск, Кемерово, Томск, Рубцовск, Барнаул, Бийск.

Следующим этапом в экскурсионном обслуживании стала и сама территория Змеиногорска. Это началось опять с небольших групп, которых интересовали сами здания. Связав все воедино, музей – внутри, территорию музея с уже построенной в ней «Въездной башней крепости Змеиногорского рудника» и выезд или выход (проводим и пешие экскурсии) на территорию Змеиногорска, сопровождается рассказом об истории этих зданий, их хозяевах – купцах (многие из них были членами местного комитета Всероссийского общества Красного Креста), о том, что они принадлежали к людям, не безразличным к судьбе и событиям в Змеиногорске в то далекое от нас время. Часто заходим с туристами во время экскурсий в здание купца А.В. Огурова, где сейчас Детская художественная школа и художественный салон (находящийся в ДК на месте бывшей церкви), где все желающие могут приобрести понравившиеся сувениры.

История создания К.Д. Фроловым плотины в 1786 г. поражает слушателей простотой и гениальностью сооружения. Здесь они любят фотографировать и сам пруд, и водопад около памятника Ермаку, установленного в августе 2006 г. Всегда с удивлением и восхищением экскурсанты рассматривают территорию горы Змеиной со стороны пруда, затем, проезжая по ней до Святого источника, где обязательно набирают воду, и далее двигаясь к Большому разному, видят «Екатерининский кунштштат» – это «чудо», которое сохранилось с XVIII в. (впервые сухая безрастворная кладка была применена К. Фроловым на Змеиногорском руднике).

Отверстия (штольни), которые видны прямо с дороги, дают им понять, что люди работали под землей на разных уровнях (горизонтах). Мемориальная доска, установленная на месте выхода из-под земли первой в мире чугунно-рельсовой дороги – от места добычи (т.е. под землей), до места переработки (т.е. до серебро-плавильной фабрики), заставляет слушателей задуматься и о том, что бывшая гора Змеиная

дала России первое рудное серебро и золото, а сам г. Змеиногорск так и оставался селом до 04.02.1952 г.

Что удивительно, так это известность и значимость того Змеиногорска (Schlangenberg – так его называли иностранцы). Многие документы, книги свидетельствуют об этом, и задача музея – донести до слушателей исключительную историю Змеиногорска в жизни всей России. Даже памятник промышленного зодчества (ныне вино-водочный завод) был построен в 1902 г. по Указу императора Александра I от 16 декабря 1899 г. (одновременно в Новониколаевске и Барнауле).

Музей первым в крае явился инициатором создания Мемориала «Очаг нашей памяти» на своей территории. Помогаем учащимся в написании рефератов (документами-копиями, имеющимися в музейном архиве).

После Краевой научно-практической конференции «Малые города России: история и перспективы Змеиногорска» в 2002 г. был выпущен сборник «Змеиногорск в культурном пространстве Алтая» к 175-летию Змеиногорского «Музея истории развития горного производства», где наряду с учеными были представлены работы (в разделе «Змеиногорск – глазами современников») Т.П. Камзаловой, С.В. Блохина – преподавателя ДМШ и учащихся, которые занимались в музее, готовя свои работы (Алексей Кузнецов – теперь реаниматолог, Алексей и Валентина Хижняк – юристы, Елена Самсонова – архитектор (в г. Калининграде), Анна Быковская – инженер ЮЭС (г. Змеиногорск), Ольга Склярова – сотрудник аграрного университета в г. Барнауле).

В сборнике «Змеиногорск в культурном пространстве Алтая» есть статья Т.М. Степанской «Уникальные ценности Змеиногорска и их трансляция в XXI в.». Она свидетельствует о необходимости обращения *«особого внимания органов власти к проблеме сохранения ценности Змеиногорска, о необходимости государственной поддержки в сфере культуры и исторического наследия Змеиногорска. Ценности Змеиногорска полезно и необходимо транслировать в современную культуру Алтая и России: они значительные, яркие, уникальные»*. Это по мере сил пытаются сделать сотрудники музея, ведя свою просветительскую деятельность.

Необходимость расширять территорию экскурсионной деятельности привела к тому, что музей организует и проводит экскурсии в Колывань, где и сегодня трудятся камнерезы, изготавливая вазы, мозаичные полотна, шкатулки и т.д. А материал для их изготовления берут с Ревенной сопки! Значит, надо наладить экскурсии и туда. Небольшие группы желающих (от 4 до 10 чел.) иногда на нескольких легковых машинах выезжают к ней, и по дороге, а потом и на месте мы знакомим с историей сопки Ревенной:

...«Повелеваем вам», писала императрица Елизавета Петровна в указе Бэеру, 2 июля 1744 г., «на Колывано-Воскресенских Демидова заводах как серебряную и золотую руду, так и прочие минералы, какие тамо найдется могут, надлежащим образом осмотреть... и как в тех, так

и в других протчих местах, где разведать можете о каких минералах, чего еще на свете не произошло, потому ж учинить свидетельство и пробы и обстоятельные описи по вашему искусству и благоразсуждению, и те пробы с собою привезть и объявить нам» [Колыванская..., 1902].

В указе Императрицы Кабинету от 21 января 1786 г. говорится: «... поручаем Генералу-Майору Соймонову прилагать старание о распространении приисков не токмо руд, но всякого рода камней и минералов полезных, назначая для одобрения сих приисков в награждении и за плату трудящимся в том до 10000 рублей из Кабинета Нашего...»

28 февраля 1786 г. в письме к Г.С. Качке Соймонов пишет, «что для ломки камней, как то: порфиоров, агатов, и яшмы нанят мною здесь Красноборскаго уезда, Уфтовской волости, деревни Березной, Крогаевский государственный крестьянин Андрей Алексеев сын Голбин, ценою по сту по восмидесяти рублей в год, в чем и заключен с ним контракт».

Исполняя поручение Кабинета Ея Величества, Г.С. Качка весной 1786 г. отправил девять поисковых партий: первую под командой обер-гиттен-фервальтера Петра Шангина, вторую под руководством берг-гешворена Филиппа Риддера, третья была поручена маркшейдеру Богдану Ключе, четвертая берг-пробиреру Ивану Бугрышеву, пятая берг-мейстеру Григорию Бровцыну, шестая – берг-мейстеру Карлу Бери, седьмая обер-гиттен-фервальтеру Василию Чулкову, восьмая шихтмейстеру Абраму Гериху, девятая шихтмейстеру барону Линденталю».

... «Сверху сия горы (Сосновая сопка) видны к востоку в не весьма великом расстоянии сопки высокая горы, которая по причине великого множества растущего там рапонтика (*Rheum undulatum*) Ревенною сопкою называется, которая и с Змеевой горы, даже еще и с дальнейшего расстояния видима: потому что она с Синею сопкою наивеличайшая есть гора меньшаго Алтайскаго хребта внутри границы» [Паллас, 1786].

... «Высочайший пункт порфириковых возвышенностей в системе Колыванских гор есть Ревенная сопка, достигающая высоты 2215 пар. футов над горизонтом Змеиногорского рудника. Она состоит из порфира и весьма твердого роговаго камня, который переходит иногда в красивые яшмы. Эта сопка вкрест линии простираия своего, прослеживается жилами зеленого камня» [Горный журнал..., 1839].

Ревневская каменоломня, открытая в первые годы существования Локтевской шлифовальной мельницы, а именно в 1789 г. штейгером Кузинским, в 45 верстах к югу от Колывани, на высоте 2092 фут. над уровнем моря, представляет огромный выход зелено-волнистой яшмы, которая делится на два отличия: собственно зелено-волнистая, где светлая и зеленоватая извилистая полосы идут более или менее параллельно, и парчевая, в которой светлый и зеленый цвета перепутаны до невозможности.

В отделке и полировке эта яшма очень красива и идет на более крупные вещи, чем на мелкия. «Царица ваз» – семиаршинная чаша, хра-

нящаяся в Императорском Эрмитаже, сделана из ревневской зеленовола-нистой яшмы. Монолит, из которого приготовлена была только верхняя часть, в сыром полуобработанном виде должен был весить около 2000 пуд... Перетаскивание такой массы с каменоломни до фабрики производилось людьми, для чего вызвано было с соседних рудников и приписанных деревень до 1000 человек. Камень тащили 2 месяца, т.е. в среднем по $\frac{1}{2}$ версты в день.

Ревневская каменоломня не всегда доступна для работ. Окруженная пихтовым лесом, она в зимнее время до того сильно заносится снегом, что туда с трудом можно пробраться и то только на лыжах. Добыча камней более или менее значительной величины производится обыкновенно следующим образом:

По обнаружении потребной величины камня, стараются обнажить его со всех сторон, чтобы убедиться в его цельности. Все, что мешает свободному отделению камня от месторождения, отбивают с помощью стальных долот или порохом... Самый же камень отделяется от месторождения железными клиньями, вбиваемыми в одно время во все буровые отверстия (расположенные по прямой линии), или откатывается аншпугом или наконец рвут замерзающей водой. Этот прием самый лучший по результатам. В приготовленные с осени шпуровые отверстия наливают воды, которая при наступлении холодов замерзает и дает сперва еле заметную трещину, но если удалить из шпуров лед и налить их снова водой, то незаметная трещина становится гораздо шире и требуемый камень отстает от месторождения.

Буровую работу отдают обыкновенно рабочим уроками. Средний рабочий может выбить на яшме 8 вершков в смену, но есть специалисты, выбивающие по 15 и даже по 20 вершков, особенно если пожертвуют двумя-тремя часами из своего отдыха.

Мелкие каменные вещи Колыванская фабрика отправляла в Санкт-Петербург почтой. Что касается изделий крупных и средней величины, то отправку их старались всегда приурочить ко времени отправления с Алтая караванов с серебром или золотом. А так как этих караванов отправлялось 5 или 6 в течение года и непременно при военном конвое и двух офицерах или чиновников, то сохранность вещей в дороге была вполне обеспечена.

Когда был окончен Мариинский канал в 1831 г., способ доставки вещей до С-Петербурга несколько изменился: начиная от Екатеринбурга, караван с изделиями фабрики отделялся от общего металлического и двигался далее сплавом по рекам Чусовой, Каме, и Волге, затем тащился бурлаками против воды и наконец по каналу Петра Великого попадал в Неву.

Из-за отдаленности столицы трудность транспортировки такой большой вещи весьма ощутима: требуется много специальных приспособлений. Для этой цели изготавливают специальные сани, в которые впрягают до 12 лошадей; перевозку производят зимой и дорогу во мно-

гих местах предварительно выравнивают. До Екатеринбурга изделие везут сухопутным транспортом. Там оно находится до лета, после чего по Каме и далее отправляется в Петербург. Впрочем, нельзя сказать о том, как хорошо умеют в Колыванском горнозаводском округе с помощью несложного механизма доставлять на фабрику огромные каменные глыбы; это обычно делается людьми, ибо лошади тянут недостаточно равномерно. Если величина сделанной вазы достигает 15 футов в поперечнике, то можно себе представить, какую тяжесть должна иметь заготовленная необработанная глыба яшмы! Нередко при перевозке одной такой глыбы бывают заняты 300 человек.

«23 апреля я выехал на Ревенную сопку в 35 верстах от Змеиногорска, по соседству с которой находится яшмовая каменоломня. Ехать нужно все время в юго-восточном направлении, не удаляясь от города, сначала через речку Змеевку, потом пятью верстами далее, через Березовку, а в восьми верстах от Змеиногорска – через Большую и Малую Гольцовки... до Лазоревского серебряного рудника (20 верст от Змеиногорска) лес редкий... Когда едешь в юго-восточном направлении, по дороге к Ревенной сопке, то переваливаешь через довольно высокий, весьма лесистый горный хребет, на котором в то время лежало еще очень много снега, часто его было столько, что лошади проваливались по брюхо. Чем выше становилась местность, тем больше встречалось сугробов, так что мне пришлось, в конце концов, покинуть экипаж и продолжить путь верхом...

Спустившись по противоположному склону с обеих сторон полого снижающегося горного хребта, мы подъехали к маленькой речке Лаговушке, а по ее руслу – к нескольким избам, возле которых на высоте 1915 футов над уровнем моря находится яшмовая каменоломня («Ревеннушский каменный лом»). По обе стороны этой речки ломают яшму. На южном берегу мы обратили внимание на огромную серую глыбу с серо-зелеными и белыми полосами, около 10 сажень высоты и такой же ширины. Глыба лежала в направлении с северо-востока на юго-запад, вертикальные полосы различной ширины или волнообразно. От нее раньше уже откалывались отдельные куски, из которых делались в Колывани колонны. Сначала эти куски тут же, на месте, грубо обтесываются для более удобной перевозки и уменьшения тяжести. Для этой цели построено специальное здание. Нынешней весной работы еще не начинались, и поэтому здесь проживало всего несколько человек, охранявших инструменты и разные устройства. Неподалеку от этой глыбы из обрывистого берега выступают меньшие. Яшма однообразно серого цвета есть по ту сторону речки. В русле речки встречаются отдельные маленькие гранитные валуны.

На расстоянии одной-двух верст отсюда расположены три вершины, которые все вместе называются Ревенная сопка, – северная, южная и средняя. Последняя, лежащая несколько дальше к востоку, наиболее

высокая... но следов ревеня (Rheum), от которого гора получила свое название, я нигде не нашел. С этого плато поднимается еще отдельная вершина, образованная из больших глыб, нагроможденных одна на другую, вскарабкаться на которую мне удалось лишь с превеликим трудом. На вершине горы дул столь сильный северный ветер, что нельзя было стоять выпрямившись во весь рост. Заметив среди скалистых глыб место, защищенное от ветра, находившееся примерно на пять футов ниже вершины, я, чтобы иметь возможность в безопасности наблюдать за барометром, перебрался туда и установил, что высота места, где я находился, составляет 3088 футов над уровнем моря» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 31–35].

Еще в 1819 г. при добыче камней для монолитных колонн на ревневской каменоломне унтершихтмейстер И.С. Колычев обнаружил «в стене так называемого яшмового шпиля» глыбу длиной до 14 аршин. В течение лета следующего года этот камень, при помощи больших ломов, соединенных канатами со специальным воротом, был отделен от месторождения [Колыванская ваза..., 1989].

Отделенная от скалы глыба достигала 12 аршин в длину, шириною в широком месте 5 аршин и толщиной до 1 аршина. Камень оказался разделенным трещиной на два куска. Добыча яшмового монолита подобного размера была делом необыкновенным.

Спустя 4 года после отделения камня от месторождения, 3 сентября 1824 г. управляющий Колыванской фабрикой М.С. Лаулин сообщил, что после очистки камень может быть употреблен на вещь «эллиптического вида, длиною по наибольшей оси до семи аршин». Автором проекта колоссальной чаши был архитектор А.И. Мельников (1784–1854 гг.). 21 октября 1824 г. проект утвердил управляющий Кабинетом Д.А. Гурьев. 21 ноября 1824 г. рисунок направили управляющему фабрикой М.С. Лаулину. На фабрике обратили внимание на то, что, согласно этому рисунку, ложки на нижней части чаши должны быть исполнены выпуклыми, а не углубленными, как сначала предполагалось. Для уточнения рисунка и устранения всяких вопросов спустя три года по указу от 15 сентября 1827 г. на Колыванскую фабрику отправили гипсовую модель чаши. При этом допускалось некоторое уменьшение размеров чаши (согласно предписанию Кабинета от 24 сентября 1824 г.) «с соблюдением однако ж красоты и соразмерности во всех частях чаши против рисунка и модели, за исключением только допущенного уже прежде изменения в расположении ложек на нижней оконечности».

Модель чаши была получена на фабрике 16 февраля 1828 г.; ее сопровождал следовавший в Нерчинские заводы с казенными аптечными припасами шихтмейстер Таскин. Таким образом, спустя лишь девять лет после обнаружения каменной глыбы, в 1828 г. фабрика приступила к исполнению заказа. В течение лета 1828 г. глыба обрабатывалась в карьере под руководством И.С. Колычева. При помощи воротов и бревен-

катков 230 рабочих перетащили ее 5 сентября того же года в специальный сарай, где приподняли на один с четвертью аршин над землей на специальных стойках. Помимо этого, шла грубая обработка «штука» для ножки, плинта и пьедестала.

В 1829 г. начались работы по оболваниванию камня для чаши: «вынято было внутрь камня грубою оттескою до 3 с половиною вершков, и нижняя площадка его снята фацентом до половины диаметра» (работало на месторождении до 41 человека). Руководил работами этого года И.М. Ивачев. Придание чаши грубой формы продолжалось и в 1830 г. Подмастер Ф.Е. Голубцов обтесал борт чаши, овал и частично внутренность (привлекалось для работ 44 человека). В продолжение этих лет шла работа над блоками для ножки и пьедестала. В 1837 г. И.М. Ивачев и 65 рабочих окончили первоначальную обтеску камня.

Относительно доставки грубо обтесанного камня для чаши на фабрику сведения противоречивы. Н.Я. Савельев пишет, что она длилась 2 месяца, при этом было занято около 1000 человек, за сутки протаскивающих монолит на полверсты. С другой стороны, архивный документ, датированный 1843 г., свидетельствует, что этот путь в 30 верст за восемь дней проделали всего 567 рабочих. Последняя цифра находит подтверждение в сообщении начальника алтайских заводов, составленном спустя 20 лет, в 1851 г.: «До какой меры затруднительна сия перевозка Кабинет Его Императорского Величества усмотреть изволит из того, что для перевозки грубо обделанного камня, из которого сделана семиаршинная чаша и который весил тогдашним видом его с не большим 1000 пуд, заложено было более 500 рабочих, кроме крестьян, наряжены были для расчистки дороги, устройства мостов и т.д.»

На фабрике работа над чашей была начата 22 декабря 1831 г. в цехе «колоссальных вещей» и закончена в самом начале 1843 г. ...

С 1831 по 1836 гг. обрабатывались ее внутренняя сторона, карниз и борт. За это время было вытесано «нутро» чаши, «с запасом против предложенной чистой меры», после чего она шлифовалась вододействующими и ручными терками. Обтесали и отшлифовали верхний карниз чаши, навес у борта и часть наружной поверхности, а также состоящий из трех частей «прибор» для ножки, на котором затем вырезали орнамент. Одна составная часть ножки была окончена в 1835 г., две другие отделаны «наготово» в следующем году. В том же 1836 г. был закончен овальный плинтус. Особые трудности доставила обработка пьедестала. В первом камне оказалась трещина. В 1832 и 1833 гг. на ревневской каменоломне добыли новые «штуки», но и в них обнаружили сквозные трещины; наконец, летом 1834 г. добыли еще один камень для постаменты, который бурением и грубой обтеской обрабатывали прямо на каменоломне. В октябре 1835 г. 236 рабочих доставили его на фабрику.

В 1836 г., когда шлифовка внутренней поверхности была окончена, чашу закупорили в ящик и при помощи двух воротов перевернули «верх-

ним полотенцем книзу». С 1836 по 1841 г. работа продолжалась над наружной стороной чаши. Нижнему овалу ее был «сообщен шлифовкою правильный вид», затем с июля 1837 г. на выпуклой поверхности разнесли по «размеру линии для резки ложек». Обработка ложек, ребер между ними и листьев продолжалась до 1841 г. К этому времени окончили борт и карниз. С обработкой пьедестала опять возникли непредвиденные осложнения. Камень, доставленный на фабрику в 1835 г., оказался с трещиной. В 1837 г. на месторождении вновь добыли глыбу для постамента и в октябре 1839 г. доставили ее на фабрику. Это был уже третий камень, предназначенный для пьедестала чаши. К 1841 г. его обрезапи пилами, отшлифовали и сгладили ручными и машинными терками. За два года до окончания в 1841 г. чаша была во второй раз перевернута. Теперь производились окончательные работы – шлифовка, вытравка и полировка внутренней поверхности, резьба листовного орнамента по борту чаши. С 1841 по 1843 г. завершали пьедестал – обтесывали его нижнюю плоскость, боковые стороны шлифовали, полировали и сверлили отверстие для крепления пирона. Наконец, в 1843 г. после очистки внутренней стороны и борта, частичного исправления полировки и окончательной отделки орнамента на ножке чаша была окончена.

Непосредственно на фабрике колоссальная чаша обрабатывалась в течение одиннадцати с лишним лет. Архивы сохранили ежегодные расходы по обработке ее год за годом; а «всех денег отпущенных из сумм Колыванской шлифовальной фабрики на обработку чаши и доставку со всеми ее частями от фабрики до Уткинской пристани, без расходов, имеющих произойти на дальнейшее препровождение их до Санкт-Петербурга, и до времени еще неизвестных – израсходовано 30284 рубли 43 копейки серебром».

9 февраля 1843 г. на специально изобретенных для этого случая четырех санях «в роде вагонов», запряженных 154 лошадьми, колоссальная чаша двинулась к Барнаулу, куда прибыла 18 февраля. 21 февраля под руководством И.М. Ивачева обоз направился сухопутным путем к Уткинской пристани (возле Екатеринбургa). Вес собственно чаши с упаковкой составил свыше 1000 пудов. Колыванской фабрике еще не приходилось иметь дело с такой трудной транспортировкой. Надо было преодолеть сотни, тысячи километров, большая часть пути проходила по рекам. Следовало не упустить время, отправить санный поезд по толстому, еще прочному льду до наступления весны.

В книге немецкого издания «Kunstblatt» за 1845 г. говорится: «Замечательно, что при перевозке из-за большой тяжести надо было избегать мостов, многократно перебираться по льду толщиной 3,5 фута по рекам, прудам. Лед трещал, прогибался под тяжестью, однако они не потонули».

С наступлением навигации чаша путешествовала уже на судах с казенным грузом. Путь ее следования приводится В.К. Макаровым – это реки Чусовая, Кама, Волга, Шексна и далее по Мариинской системе. Спустя почти полгода, 14 августа 1843 г., баржа достигла Петербурга.

В новом свете предстает на основе архивных источников и «петербургский период, предшествующий установке чаши в строящемся Новом Эрмитаже, для украшения которого она и предназначалась. Пока решался вопрос о том, где ее содержать до открытия Музеума», чаша оставалась на барже, стоявшей на приколе у Аничкова моста на Фонтанке. Сначала предполагалось хранить ее в ящиках, помещенных в сарай «на среднем двореике против решетки Собственного Дворца» (Аничков дворец). Резолюцией от 20 августа 1843 г. «высочайше повелено чашу сию поставить на время под колоннами ворот Собственного Дворца и хранить для Музеума, приказав архитектору Ефимову вымерить как ее внести в Музеум. «Для чаши Н.С. Ефимов (1799–1851) должен был устроить прочный помост и «сарай с приличным местоположению видом». Однако вскоре, чтобы избежать лишних хлопот с перегрузкой огромной тяжести, гигантская чаша была отправлена прямо в Зимний дворец и сдана под расписку» полковнику Барановичу.

Изготовление и благополучная доставка грандиозной чаши были значительным событием. «Колоссальная чаша есть чудесное произведение, может быть единственное во всем свете, должна обратить особенное внимание, как в самой изящности отделки оной и по редкой величине камня, превосходящей все доньше доставлявшиеся к Высочайшему Двору в этом роде вещи, так и по чрезвычайным затруднениям, сопряженным с благополучною доставкою без малейшего повреждения столь дальним путем...», – читаем в записях 1843 г. За удачное исполнение ответственного заказа Кабинет наградил всех участников работ, пожаловав им «для раздела» тысячу рублей серебром.

Лишь в 1845 г. встал вопрос о непосредственном помещении чаши в здании музея. В отделении рисунков Эрмитажа сохранился проект ее установки во «втором зале новейшей скульптуры» Нового Эрмитажа. Сначала предполагалось углубить чашу на один аршин четыре вершка в пол, окружив углубление ступенями, «в амфитеатральном виде», чтобы человек среднего роста мог «видеть ее внутренность»... Но, к сожалению, помещение оказалось мало для заглупления пола. Было отклонено предложение отказаться и от «тумбы» (постамент), выставить чашу на низком цоколе. Ввиду огромной тяжести фундамент в центре зала был укреплен, и 5 ноября 1849 г. чашу внесли в открытый стенной проем. За перевозку ее от набережной Невы и установку купцу Мочалову было уплачено 375 рублей. Началась музейная жизнь Колыванской чаши – «Царицы ваз».

С каждым годом посетителей музея становится все больше, а это значит, что музей интересен, нужен, что он чем-то порадовал или открыл что-то новое для них. И для дальнейшего увеличения числа посетителей с выездом на сопку Ревенновую необходимо отрейдировать дорогу и сделать этот маршрут постоянным в летний период.

Благодаря тем первопроходцам, нашедшим поделочный камень – зелено-волнистую яшму и умелым рукам мастеров камнерезов из дале-

кой Горной Колывани нашла дорогу к хранилищу всей красоты – Эрмитажу единственная и неповторимая «Царица ваз».

Змеиногорцы гордятся тем, что на их земле находится Ревенная сопка – мать «Царицы ваз». *Использованы материалы видеofilьма «Ревенная сопка – мать Царицы ваз».*

Библиографический список

ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1973. С. 50–52.

Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся, часть 3, книжка 9, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, в типографии И. Глазунова и К, 1839. 466 с. (Статья «Геогнозия и геогностические очерки Змеиногорского края; ооч. Штабс-Капитана Узатиса». С. 313).

Колыванская ваза (проспект) / сост. Н.М. Мавродина. Л., 1989. 11 с.

Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: краткий исторический очерк, составленный к 100-летию фабрики, 1802–1902 гг. / сост. Н.С. Гуляев, П.А. Ивачев. Барнаул, 1902. 70 с.: ил.

Колывань: История, культура и искусство Сибирской провинции России, 172 §-1998. Б. 1998. С. 242.

Краеведческие записки (вып. 1). Барнаул, 1956. 294 с.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи. Новосибирск, 1993. 414 с.

О.Ф. 237, 479, 978, 362, 394, 302, 106, 110, 138, 111, 1113, 1114, 155, 156, 157, 160, 191, 484, 161, 1061, 1093. МБУК «Музей».

Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. По повелению СПб Имп. Ак. наук. СПб., 1786.

Т.М. Степанская

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ТУРИЗМ КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В материализованных и духовных отношениях с природой и обществом человек создает поле эстетического освоения окружающего мира. Научное, историческое, архитектурное и художественное наследие произрастает на этом поле как важный фактор преемственности и интеграции культур, обеспечивающий сохранение общечеловеческих ценностей и процесс гуманизации общества.

Духовно-эстетические туристские ресурсы Алтайского края уникальны и многообразны. Они изобилуют тем, что относится к понятию «исторический культурный ландшафт». По мнению доктора географических наук, профессора Ю.А. Веденина, особенностью культурного ландшафта, как объекта наследия, является то, что его ценность может быть сохранена только при наличии тесной взаимосвязи между культур-